

Визит лошади в редакцию

9 ноября 1911 г. редакцию газеты «Петербургский листок» посетил необычный визитер — лошадь Эмир (в сопровождении дрессировщика). Лошадка «мило улыбалась и скалила свои бело-снежные зубы и щурила свои умные глаза, потряхивая стриженной гривой». На следующий день в газете появилась заметка об этом, сопровождавшаяся рисунком: Эмир осторожно спускается по редакционной лестнице. И чуть не через сто лет журналистский прием сработал! Я отвлеклась от серьезных научных целей, ради которых просматривала старую газетную подшивку, улыбнулась картинке и прочла про начинающиеся гастроли в цирке «Модерн» (в чем, естественно, и состояла «сверхзадача» — скрытая реклама стара, как сама печать).

Так впервые я открыла для себя мир газетной иллюстрации начала XX в. — огромный пласт изобразительных материалов, не то что не изученный — до сих пор никем просто не замеченный. Я стала смотреть другие номера и увидела «взрыв электричества в трамвае», и «первых дам в шароварах на улицах Петербурга», и «нападение бешеной собаки», и «пожар на Тентелевом заводе», и многое другое и уже не могла оторваться.

Не сосчитать, сколько раз листала я эти подшивки в поисках информации о прошлом. Десятки лет этим же занимались сотни и тысячи исследователей, но картинки были никому не нужны и их никто не замечал. Надеюсь, что с выходом этого альбома ситуация переменится, и иллюстрации петербургских газет привлекут внимание и как явление изобразительного искусства, и как новый источник по истории города и горожан.

К концу XIX в. в Петербурге существовали две городские газеты универсального содержания, обе основанные в 1860-е гг.: «Петербургская газета» и «Петербургский вестник». Газеты ожесточенно конкурировали, поскольку боролись за одну и ту же читательскую аудиторию. Это был новый читатель — массовый, сравнительно с прежним временем, когда газеты читало образованное дворянство: городское купечество, рядовые чиновники, потом и представители

нижних сословий. В основном это были люди небольшого достатка и небольшого образования, зачастую только приобщавшиеся к чтению. Идя им навстречу, газетчики отказывались от длинных статей в пользу коротких заметок, старались не только информировать читателя, но по возможности развлечь, поразить и позабавить его.

Иллюстрации были бы для этого важнейшим подспорьем, и руководство газет это прекрасно понимало. Однако получить от цензурного ведомства соответствующее разрешение было не так просто. Как известно, царское правительство по возможности препятствовало развитию частной прессы: печать оно рассматривало как источник опасных «подрывных» идей, как средство распространения революционной идеологии. В особенности это касалось именно дешевых изданий для «простонародья». Достаточно сказать, что законодательство о печати специально оговаривало, что цензура может разрешать «рассуждения о недостатках и злоупотреблениях администрации» только в книгах объемом не менее десяти печатных листов и в периодических изданиях с подписной ценой не менее семи рублей, т. е. дорогих и потому недоступных для трудящихся масс. Только в 1897 г., после неоднократных обращений и отказов, сперва одной, а затем и другой петербургской городской газете разрешили помещать рисунки в тексте.

Нужно сказать, что солидные русские газеты того времени иллюстраций практически не печатали. Это была сознательная установка, поскольку иллюстрации рассматривались как элемент не одобрявшейся «развлекательности». Исключением являлось «Новое время», которое иллюстрировалось обильно и разнообразно, однако иллюстрации были вынесены в еженедельное приложение, печатавшееся меньшим форматом и на лучшей бумаге. Обе городские газеты также стали издавать иллюстрированные приложения, но при этом помещали иллюстрации и в основном тексте, делая их, таким образом, важной составной частью содержания и оформления номера. В подзаголовке «Петербургского листка», начиная с 1897 г., это даже оговаривалось специально: «Газета политической и общественной

жизни и литературная с рисунками в тексте» («Петербургская газета» именовала себя «политической и литературной»).

Иллюстративные материалы, которые стали появляться в городских газетах, были самыми разными: карикатуры на внешнеполитические темы и на сюжеты из городской жизни (внутренней политики никогда не касались); портреты политиков, военных, деятелей искусства и науки; портретные шаржи; юмористические сценки; рисованные головоломки; планы и карты и пр.; в приложениях — иллюстрации к помещенным здесь литературным произведениям; репродукции картин и фотоснимки скульптур.

Как «Петербургская газета», так и «Петербургский листок» регулярно помещали зарисовки из зала суда (кстати, гораздо лучшего качества, чем теперешние американские, которые иногда показывают по телевизору). И, разумеется в обеих газетах было много иллюстраций репортажного характера.

Изображались официальные события, будь то визит главы иностранного государства или прием в посольстве, спуск корабля, открытие новой школы. Разнообразно и эффектно изображались пожары, взрывы, катастрофы, строительные аварии (из нарисованных пожаров, или взрывов, или автокатастроф, можно было бы составить по отдельному альбому). Криминальная хроника появлялась и в «Петербургской газете», но в «Петербургском листке» ее было гораздо больше и представлена она была во всем спектре — от ареста шайки вооруженных грабителей до драки на свадьбе или покушения на убийство мужа утюгом. Отображались события культурной жизни, спорта, деятельность коммунальных служб и пр.

К этому времени была уже разработана усовершенствованная дешевая технология производства полутонных газетных клише, т. е. печатать фотографии в газете стало не сложнее и не дороже, чем рисунки. В течение 1900-х гг. фотография постепенно вытесняет рисунок с газетных полос, а фотокорреспондент сменяет корреспондента-художника.

При очевидных достоинствах, однако, фоторепортаж имел и свои слабые стороны. Восхищаясь сегодня в фотоальбомах старыми фотографи-

ями — прошедшими компьютерную обработку, напечатанными большим форматом на мелованной бумаге, — нужно представлять, как они выглядели в газете — в малом формате, на плохой бумаге, с точечным растром. У штрихового черно-белого рисунка при такой печати было преимущество. Да и мобильность у рисовальщика с карандашом и блокнотом в кармане была выше, чем у фотографа с тяжелой камерой на штативе. Полное торжество фоторепортажа наступит лишь в 1920-е гг., когда войдет в обиход компактная фотокамера. До тех пор фотографически фиксировались в основном заранее запланированные события, куда фотограф мог прибыть заблаговременно.

Есть, конечно, и более принципиальное различие. Рисунок «понятнее» фотографии, поскольку художник уже осмыслил и обобщил увиденное (поместил изображение на нейтральном фоне, опустил детали, которые счел не важными, а важные изобразил более тщательно). Этот фактор имеет большое значение, когда речь идет о новости, о передаче информации.

В «Петербургской газете», в соответствии с общей тенденцией, репортажный рисунок сохранялся примерно до конца 1900-х гг. Позднее рисунки появляются лишь эпизодически (кроме судебных репортажей). Исключения, правда, бывали очень интересными. Так, в ноябре 1911 г. «сотрудник газеты П. Таврихин и художник Юша», переодевшись босяками, отправились странствовать «по дну Петербурга», опубликовав затем отчет об этом с рисунками. В приложении к «Петербургской газете» печаталось много зарисовок городской жизни, авторами которых были известные художники того времени — И. Е. Крачковский, Н. И. Кравченко, Е. П. Самокиш-Судковская, В. В. Мазуровский, В. М. Измайлович и др. Но они не были приурочены к конкретному событию, т. е. не попадают в рассматриваемый нами формат.

Совершенно по иному, оригинальному пути иллюстрирования пошли в редакции «Петербургского листка». Фотографии, вплоть до закрытия газеты (в 1918 г.), печатались только в приложениях. В основном тексте присутствовали только рисунки! Любопытно, что иногда одно и то же событие могло иллюстрироваться дважды — рисунками в основном тексте и фотографиями в приложении. Так было, например, с открытием памятника Александру III на Знаменской площа-

ди в мае 1909 г.: в приложении были напечатаны известные фотографии К. Буллы, а в основном тексте — несколько зарисовок с места события.

В номере могло быть больше десятка рисунков (включая карикатуры, шаржи и пр.). Какое-то время для них дважды в неделю отводилась специальная полоса, на которой текста могло быть вдвое меньше по площади, чем иллюстраций. Позже от этого отказались и репортажные рисунки стали распределять приблизительно равномерно по дням недели, один-два на полосу.

Первоначально рисунки размещались на полосе произвольно, без привязки к тексту, затем, по мере внедрения «блоковой» верстки, текст и изображение, посвященные одному сюжету, стали соединять. Рисунок занимал в ширину две-три колонки, а по площади мог быть в несколько раз больше сопровождающего его текста. Ему придавался заголовок, набранный крупными жирными буквами и на ту же ширину. Если текста было больше и его можно было растянуть в ширину на четыре-пять колонок, взяв рисунок с боков «в оборку», то и заголовок мог делаться еще больше, на все пять колонок. Получался «ударный» блок, который часто и размещали на самом важном месте полосы — в одном из верхних углов. Иллюстрация «укрупняла» новость, привлекая к ней внимание читателей.

При выборе из хроникальных заметок сюжетов для иллюстрирования газетчики, стремясь заинтересовать и привлечь читателя, ориентировались не на масштаб события, а на его необычность, курьезность, возможность придать ему характер сенсации. Ударное место и значительную площадь на газетной полосе мог занять любой пустяк, например история о провалившейся под лед и благополучно спасенной даме с двумя собаками. (Так телевидение в наши дни может создать новость просто за счет показа «картинки».) Характерно при этом, что персонажи рисунков, о которых сообщены протокольные сведения (фамилия, сословие, род занятий), — это в подавляющем большинстве представители социально близких слоев, с которыми читатель легко мог себя отождествить: мастеровой, рабочий, кухарка, телефонистка.

Если мы внимательно посмотрим на эти рисунки, то увидим, что их можно поделить на две

разновидности (может быть, правильнее говорить о двух полюсах, к которым они тяготеют). Одни рисунки по сути равноценны фотографии (существовал и прямо жанр прорисовки с фотографии). Цветет экзотический цветок в Ботаническом саду... публика катается на роликах в скейтинг-ринге... идет лед по Неве... Пришел художник и зарисовал это, а мог прийти фотограф и сфотографировать. Потом к рисунку сделали подтекстовку, вот и готов репортаж. На других же рисунках изображено то, что сфотографировать невозможно, да и увидеть в общем-то нельзя: жена бьет мужа утюгом по голове, разлетаются осколки от взорвавшегося парового котла, летит с вышки, переворачиваясь в воздухе, ударенный током электромонтер. Это своего рода художественная реконструкция события, визуализация новости. Она ближе к иллюстрированию литературного произведения, чем к репортажу, — ведь как Тарас Бульба убивает сына или Наташа Ростова танцует вальс, тоже увидеть или сфотографировать невозможно, но можно представить себе и нарисовать.

По этому принципу иллюстрируются те сюжеты, где важно зафиксировать не состояние, а событие в самый момент его протекания. Я называю такие рисунки «квазирепортажными». Отчасти они напоминают лубочную картинку, отчасти — отдельную картинку комикса, его отдельный «кадр». Некоторые черты, характерные для комикса, свойственны и нашим рисункам. Во-первых, как отмечают исследователи, «каждая картинка комикса не мгновенна, она обладает «толщиной по четвертой координате», это целый эпизод, а не одномоментная фотография» (А. Барзах). Во-вторых, о чем уже сказано, событие изображается в кульминационной точке: «если взрыв — то должна лететь во все стороны земля». Но есть и принципиальное отличие: если комикс — это «повествование картинками, «иллюстрируемое», по необходимости, вспомогательными текстами», то в нашем случае текст и «картинка» различными изобразительными средствами рассказывают одну и ту же историю, создавая своего рода стереоскопическое изображение события. Поэтому на рисунке тщательно изображаются упомянутые в новостном тексте детали (нож в руке хулигана и пр.).

Таким образом, мы видим, что наличие «рисунков в тексте» было для «Петербургского листка» важной характеристикой, не случайно

включенной в титульное именование газеты. Ориентация на репортажный (и «квазирепортажный») рисунок давала возможность «создавать» интересное событие для каждого номера, укрупненно показывать эмоционально окрашенную «человеческую историю». Как долго продолжалась бы такая линия газеты, если бы революция на долгое время не ликвидировала частную прессу в России? В каком направлении она эволюционировала бы? Теперь можно только гадать.

Говоря о рисунках, нельзя, разумеется, не говорить о художниках. К сожалению, о тех, кто иллюстрировал петербургские газеты, известно крайне мало. Сравнительно большее внимание привлекали авторы карикатур и шаржей, а из репортажных художников — военные художественные корреспонденты. Как работали городские репортеры-художники? На опубликованных рисунках иногда помечено «рисунок с натуры», иногда — «по наброску очевидца». В остальных случаях, вероятно, художник зарисовывал «со слов» очевидца или автора заметки, в криминальных сюжетах — со слов полицейских чинов.

В «Петербургской газете» на репортажных рисунках, как правило, есть подпись, но разобрать фамилию не удается (еще раз подчеркну, что речь не идет об иллюстрированном приложении). Различающихся подписей мне встретилось не менее пяти-шести, прочесть же удалось только одну — К. Юрьевский. Здесь, конечно, простор для будущих исследователей.

В «Петербургском листке» репортажные рисунки не подписывались. По манере исполнения видно, что они сделаны не одним человеком, а несколькими, причем не только в разное время, но иногда в одном и том же номере. В юбилейном историческом очерке 1899 г. (к 35-летию) говорится, в частности, что в 1898 г. в газете «налицо находились С. П. Попов и Н. В. Самойлов; к ним присоединились И. А. Владимиров, Ф. П. Ризниченко (карикатуры), г. Соколовский (карикатуры) и г. Попоянки (ребусы)».

Одно из этих имен хорошо известно. Иван Алексеевич Владимиров (1870–1947) — выпускник Академии художеств, видный живописец и график, создатель большого количества жанровых и батальных картин, а также военных зарисовок. В качестве военного корреспондента

И. А. Владимиров был на русско-японской, балканской, Первой мировой, а затем советско-финской войнах. Рисовал революционные события 1905 и 1917 гг. и Гражданской войны. В блокадном Ленинграде, уже стариком, вел дневник с зарисовками (недавно опубликован). Профессиональное мастерство художника, несомненно, помогло поставить репортерскую работу в газете на высокий уровень, но какие именно рисунки принадлежат ему, не известно, и едва ли это возможно выяснить.

Из множества рисунков — а за два десятилетия в двух газетах были опубликованы тысячи, а то и десятки тысяч — для книги отобрано около 120, по возможности наиболее разнообразных в сюжетном и художественном отношении. Первые из помещенных рисунков датированы 1897 г., последние — летом 1914 г. После начала Первой мировой войны рисунки на городские сюжеты практически исчезают с газетных страниц. Немногочисленные имеющиеся связаны с войной и последовавшей революцией, а это уже совсем другая история. Повседневная жизнь столицы в ее бытовых подробностях перестает быть предметом иллюстрирования, хотя, конечно, продолжает отражаться в городской хронике.

Каждый из публикуемых рисунков сопровождается подлинным газетным текстом, иногда слегка сокращенным, и каждый из них — частица калейдоскопа больших и малых событий, в свое время представленных на газетных страницах как новости, заслуживающие особого внимания.

В заключение хочу поблагодарить директора Российской национальной библиотеки А. В. Лихоманова за оказанную поддержку, а также сотрудников газетного отдела и отдела репрографии РНБ. Председатель Союза полиграфистов С. В. Радванецкий проявил интерес к замыслу работы и во многом способствовал его реализации, за что я ему искренне признательна. За подготовку книги и выпуск ее в свет благодарю Издательский дом «Питер», компанию «Берег» и типографию «Северо-западный печатный двор».

О. Н. Ансберг

Использованные сокращения:
«ПГ» — «Петербургская газета»
«ПЛ» — «Петербургский листок»